

Князьков С.Г.
**“ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВСЕГО РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО” В ПОВЕСТИ “БИЛЛИ БАДД” ГЕРМАНА
МЕЛВИЛЛА**

Идея всеобщего равенства людей, рас и народов, прозвучавшая у таких американских политических деятелей, как Томас Джефферсон, Авраам Линкольн, – одна из самых фундаментальных у Г. Мелвилла¹, проходит через всё творчество писателя, находя итоговое воплощение в его повести “Билли Бадд”. Несмотря на усиление в его творчестве мотивов смерти и страдания, скорби об умерших и погибших как отражение одной из черт духовного климата американской жизни после Гражданской войны 1861–1865 годов², черт скептицизма и нигилизма в отношении исторического развития страны, которым отдельные критики стремятся придать абсолютизированный характер, тотально пронизывающий все грани мироощущения и мировоззрения писателя 1860–1880 годов³, Г. Мелвилл, впитавший в себя многовековой опыт духовных исканий человечества, сохранил верность идее единства человеческого рода. В этом отношении в американской прозе нет ему равных, и сопоставить его можно лишь с У. Уитменом, прославлявшим в своих стихах жителей разных стран мира.

Идея мондиализма, начинающая заявлять о себе накануне третьего тысячелетия с невиданной агрессивностью, ставит своей целью покончить с идеей единства человечества, сопутствующей всей его истории. “Человечество выстрадало простейшую и мудрую, спасительную, возвышающую людей истину, выстрадало непостижимо дорогой ценой, что сама та разность, сами эти различия между людьми, народами, нациями, расами, странами и есть условие всеобщей жизни человечества. Быть разными в жизни и значить жить. Разное, то есть: жизнь. Одинаковое, то есть: смерть”⁴.

Мечту человечества о единстве писатель в ранний период своего творчества выражал в оптимистически ярких тонах в романе о формировании личности молодого человека, связывая ее осуществление с исторической миссией США. “Здесь, в западном полушарии, все племена и народы слагаются в единую равноправную целостность, здесь их ждет будущее, когда, словно у древнего очага в Эдеме, воссоединятся рассеившиеся по миру дети Адама”⁵, – писал он в романе “Редбёрн”. Но вот реальность, отразившаяся в последующих романах писателя. “Попробуйте смешаться с гущей матросов на американском военном корабле, и вы будете поражены количеством иностранцев, хотя вербовать их противно закону”⁶, – читаем мы на страницах “Белого бушлата”. Об этом же сообщается в “Моби Дике”: “И на “Пекоде” тоже почти все были островитяне, так сказать, изоляционисты, не признающие единого человеческого континента и обитающие каждый на отдельном континенте своего бытия. Но какую отличную федерацию образовали теперь эти изоляционисты, объединившиеся у одного кия! Целая депутация Анахарсиса Клоотса со всех островов и со всех концов земли, сопровождающая на “Пекоде” старого Ахава в его стремлении призвать к ответу все обиды мира; немногие из них вернулись живыми с этого поединка”⁷.

Излюбленный писателем образ Анахарсиса Клоотса появляется даже в начале сатирического романа “Человек, пользовавшийся доверием”, неожиданно увенчивая иронический каталог всесветного сброда, собравшегося на борту судна, отплывающего из Сент-Луиса⁸.

И “Билли Бадд” открывается картиной яркой матросской толпы, увиденной повествователем “теперь уже полстолетия назад” в порту Ливерпуля, который Мелвилл посетил во время первого своего путешествия в 1839 году. Здесь матросы “являли такую пеструю смесь племен и оттенков кожи, что Анахарсис Клоотс вполне мог бы привести их на заседание французского Учредительного собрания как представителей всего Рода Человеческого”⁹. Действие этой повести происходит на английском военном корабле в 1797 году, в разгар антинаполеоновских войн¹⁰, что могло свидетельствовать о свободе писателя в выборе своего материала, как и о том, что образцом мужского физического и нравственного совершенства, тип “Красавца Матроса” он открывает в образе негра, эпизодического персонажа из экспозиции повести, и в образе англичанина, главного ее героя. О первом из них сказано, что “он, несомненно, был природным африканцем и в жилах его струилась ничем не разбавленная кровь Хама. Его отличало безупречное телосложение при редкостном росте”. “Красавец Матрос не только знал до тонкости свое опасное ремесло, обычно он славился также как грозный боксер или борец. Он воплощал в себе и красоту, и силу. О его подвигах ходили легенды. На берегу он был победителем и защитником, на море тем, кто говорил от имени остальных. И всегда, во всем он был первым”¹¹. О “лазурноглазом” Билли Бадде повествователь сообщает: “По телесному своему сложению он принадлежал к лучшим представителям английского типа, в жилах которых кровь саксов словно вовсе не была разбавлена норманской или какой-либо иной...”¹². Любимец команды, он был оценен и капитаном Виром как “поистине великолепный образец genus homo...”¹³.

“Род Человеческий” на “Неустрашимом”¹⁴ представлен каптенармусом Клэггертом (“Возможно, он был англичанином, однако в его речи иногда проскальзывал легкий акцент...поговаривали, что он был из французских дворян и пошел во флот добровольно, чтобы избежать обвинения в некоем таинственном мошенничестве...”¹⁵), датчанином – гротовым матросом-ветераном – и капитаном Виром, принадлежавшем к аристократии страны. Именно интеллектual Вир, постоянно занятый в свободное время чтением и размышлениями, мыслит масштабами “Рода Человеческого”, о чём повествователь неоднократно упоминает. Новые идеи революции он осуждал “еще и потому, что, на его взгляд, они противоречили установлениям рода человеческого и его благу”¹⁶. Этот представитель старого

мира, сраженный пулей с вражеского корабля “Атеист”, по воле автора в главе, где описывается казнь Билли Бадда, превыше всего ценит порядок, форму. “Для рода людского, - не раз говаривал он,- важнее всего форма, внешняя размеренная форма. В этом-то и заключается смысл мифа об Орфее, который игрой на лире завораживал диких обитателей лесов”¹⁷. Таково эстетское

обоснование долга, в соответствии с которыми в жертву им была принесена жизнь без вины виноватого Билли Бадда, что проливает на образ капитана Вира и его стоическое мужество дополнительный свет, отнюдь не лестный для него.

В сложнейшем по глубине и тонкости, поразительном для XIX века по пронизательности анализе “человеческой природы”, которому в связи с образом Клэггерта посвящена целая глава, повествователь приводит суждение, предположительно принадлежащее Платону: “Природная безнравственность – безнравственность от природы”¹⁸. Раскрывая свое понимание этих категорий, писатель отнюдь не склонен относить его не только ко всему человечеству, но и даже ко всем разновидностям безнравственности: “Определение, которое, хотя и отдает кальвинизмом, в отличии от догмы Кальвина вовсе не относится к человечеству в целом. Совершенно очевидно, что по самой своей сути оно приложимо лишь к отдельным личностям”¹⁹. Парадоксальность этой безнравственности в том, что, “не лстяя роду человеческому, она никогда не говорит о нем дурно”²⁰.

“Билли Бадд” – морская повесть, как и большинство произведений Мелвилла, созданных в жанре романа, и естественно, что в его сознании возникали постоянно имена тех, кто связал свою жизнь с морем, чьи имена остались в памяти человечества – это прославившиеся своим мужеством моряки и кондотьеры разных времен и разных народов, деяния которых убеждали писателя в том, что “высокие достоинства таких властителей моря, как Дон Хуан Австрийский, Дория, ван Тромп, Жан Барт, бесчисленные английские адмиралы и американец Декейтерс, прославившийся в 1812 году, отнюдь не устарели...”²¹.

Вместе с тем в повести ощутимо присутствует глубинный естественный демократизм писателя. “Гений Нельсон властно манит меня”,- признается писатель, посвящая ему отдельную главу своего повествования, саму же повесть – драме простого матроса, судьба которого в известной мере олицетворяет судьбу человека и человечества в кризисный момент истории на “сотрясаемом конвульсиями европейском континенте”²². От взора его не укрылось то, что “в пестром многолюдье “Неустрасимого” были и люди далеко не заурядные, несмотря на низкое их положение”²³. Их удел, символизированный в повести в участии заглавного героя, возведен писателем в ранг высокой трагедии, одной из самых потрясающих в американской литературе.

Подобно тому как “Моби Дик” вмещает на своих гигантских просторах историю человечества, его мифологию и культурное наследие, и все это служит грозному предостережению современному миру с его губительной, самоубийственной бесчеловечностью, так и на малом пространстве военного корабля “Неустрасимый” в “Билле Бадде” писателем осмысливается история антинаполеоновских войн, европейского военно-морского флота и в целом судеб Европы и мира в кризисную эпоху их существования. Неиссякаемая богатейшая сокровищница ассоциативной культурно-исторической памяти писателя с поразительной естественностью и органичностью вводит в ткань повествующего слова Александра Македонского, Юлия Цезаря Германика и Карла II, Марциала, Мишеля Монтеня и Луиса Камозанса, римского папы Григория Великого и Жана Кальвина, Фра Анджелико и Френсиса Сеймура Хейдона, Томаса Пейна и Эдмунда Бёрка, Джереми Бентама и Эдварда Кона, Уильяма Блэкстона и Артура Уэсли, Веллингтона и Каспара Гаузера, Джона Мильтона и Самюэля Джонсона, Анны Радклиф и Чарлза Дибдина, Натаниэла Готорна и Альфреда Теннисона и др. В сознании читателя оживают библейские образы и мотивы – Адам, Хам, Град Каинов, тайны несправедности (II Фес., 2:7), Саул и Давид, бесы (Иаков, 2:29), Иаков и Иосиф (Быт., 3:32), Анания (Деян., 5:5), Авраам и Исаак (Быт., 22), Елисей (4 Царств., 2:13)²⁴, персонажи греческой и римской мифологии – Ахиллес, Агамемнон, Аполлон, Венера, весталки, гарпии, Геркулес, Геспериды, Гиперион, Марс, Орфей, Тезей, Хирон, Эреб и др.²⁵. Невиданная и, может быть, непревзойденная в американской литературе интеллектуальная глубина, семантическая насыщенность повествования сочетается с тонким художественным артистизмом в построении фразы, абзаца, главы и целого, составляющего произведение.

Говоря о “представителях рода человеческого” в своей повести, писатель не мог не упомянуть и одного из русских – Петра Великого, который фигурирует у него, впрочем, как Peter the Barbarian (мы помним, что слово “варвар” не имеет для Г. Мелвилла негативного значения, в особенности в сопоставлении варварства и цивилизации) и представлен, как это нередко бывает у писателя в его обращении к русскому материалу, лишь как часть сравнения, уподобления: “Таинственность, окружавшая это дело настолько, что известия о нем долгое время не выходили за пределы того места, где произошло нечаянное убийство, то есть за пределы капитанской каюты, действительно вызывало в памяти дворцовые трагедии, не раз и не два случавшиеся в столице, которую основал Петр Варвар”²⁶. Ряд упоминаний о России и русских, украинцах (например, Иване Мазеле) и Крыме, встречающихся в художественных произведениях и письмах писателя, должен стать, на наш взгляд, предметом специального рассмотрения.

Итак, в духовном пространстве “Билли Бадда” произошла встреча двух кризисных эпох – конца XVIII и конца XIX века, позволившая ощутить катастрофичность развития истории и устремленность художественного сознания писателя к ее драматическим узлам. Хронологические рамки повествования расширены им до совокупной истории

человечества, его аналитическая мысль устремлена на постижение проблем межнационального бытия миллионов людей на земле. Это тот специфический тип мышления, с каким Г. Мелвилл вошел в американскую литературу, сказав в ней новое, неповторимое слово, верность которому он сохранил и в последней своей повести, достойно завершившей XIX век в литературе своей страны.

Литература

- ¹ См.: Richardson W. D. *The possibility of harmony the races: an inquiry into the through of Jefferson, Tocqueville, Lincoln and Melville.*—State University of New York at Buffalo, 1979. 286 p.; Karcher C.L. *Shadow over the promised land: slavery, race, and violence in Melville's America.*—Univ. of Maryland College Park. 1980. 519 p.; Lorant L.J. *Herman Melville and race: themes and imagery.*—New York Univ., 1972. 252 p.; Grejda E.S. *The common continent of men: the non-white characters in the fiction of Herman Melville.*—Univ. of Pittsburgh, 1969. 165 p.
- ² Tolchin N. L. *Mourning, gender and creativity in the art of Herman Melville.*—N. Haven; L.: Yale U. P., 1988. 234 p.
- ³ Boies J. J. *Herman Mellville: Nihilist.*—The Univ. of Wisconsin, 1959. 695 p.; Stevens M.D. *Melville: Sceptik.*—Loyola Univ. of Chicago, 1967.
- ⁴ Карякин Ю.Ф. *Достоевский и канун XXI века.*—М.: Советский писатель, 1989.—С. 472.
- ⁵ Melville H. *Redburn. White Jacket. Moby Dick.*—New York: Literary Classics of the United States, Inc., 1984.—P.185.
- ⁶ Мелвилл Г. *Белый бушлат.*—Л.: Наука, 1973.—С. 307.
- ⁷ Мелвилл Г. *Собр. соч.: В 3 т.- Л.: Худож. лит., 1987. Т.1. — С.166.*
- Писатель имеет в виду барона А.Ж.Б. Клоотса (1755 – 1794), приветствовавшего во французском Национальном собрании Декларацию прав человека вместе с тридцатью шестью иностранцами, от имени этих “делегатов человечества”. О многонациональном составе “Моби Дика” см.: Шогенцукова Н.А. *Опыт онтологической поэтики.* Э. По, Г. Мелвилл, Д. Гарднер.—М.: Наследие, 1995.—С. 87.
- ⁸ Melville H. *The Confidence-Man // Melville H. Pierre. Israel Potter. The Piazza Tales. The Confidence-Man. Uncollected Prose. Billy Budd, Sailor.*—New York: Literary Classics of the United States, Inc., 1984.—P. 848; См.: Cook J.A. *Satirical Apokalipse: an anatomy of Melville's "The Confidence-Man".* Columbia University, 1993.—504 p.
- ⁹ Мелвилл Г. *Собр. соч.—Т. 3.—С. 309.*
- ¹⁰ “Обращение Мелвилла к подобному материалу показывает, что его мысль не была скована узкими национальными рамками, что самым важным была для него внутренняя трагичность материала независимо от того, где и когда он его почерпнул”.—Маттисен Ф.О. *Ответственность критики.*—М.: Прогресс, 1972.—С. 183.
- ¹¹ Мелвилл Г. *Собр. соч.—Т. 3.—С. 309.* Выражение “Handsome Sailor” (см.: сноска 8, pp. 1353, 1354) в переводе на украинский язык заменено на “Морський Бог” (см.: Мелвілл Г. Біллі Бад, формарсовий матрос / Переклав В. Корнієнко // *Всесвіт.*—К., 1977.—№ 3.—С. 100 /, что является отклонением от оригинала, порождающим ложную ассоциацию с Посейдоном.
- ¹² Мелвилл Г. *Собр. соч.—Т. 3.—С. 315.*
- ¹³ Там же. С. 356.
- ¹⁴ Так в русском переводе (Т. 3, С. 310 и далее), в украинском “Звитязний” (см.: сноска 11, с. 101 и далее). В окончательной редакции Г. Мелвилл заменил “Indomitable” на “Bellipotent”. Отметим, что названию кораблей писатель придавал исключительное значение.
- ¹⁵ Мелвилл Г. *Собр. соч.—Т. 3.—С. 329.*
- ¹⁶ Там же. С. 327.
- ¹⁷ Там же. С. 386.
- ¹⁸ Там же. С. 338. В оригинале: “Natural depravity: a depravity according to nature” (см.: сноска 8, p. 1383).
- ¹⁹ Мелвилл Г. *Собр. соч.—Т. 3.—С. 338.*
- ²⁰ Там же. С. 339.
- ²¹ Там же. С.321.
- ²² Там же. С. 328.
- ²³ Там же. С. 315
- ²⁴ См.: Wright N. *Melville's Use of the Bible.*—Durham, N.C., 1949; Magan M. O. *Melville and the christian myth: the imagery of ambiquity.*—Tulane Univ., 1964. 327 p.; Heidmann M. *Melville and the Bible: leading themes in the marginalta and major fiction, 1850 – 1856.*—Yale Univ., 1979. 305 p.; Kirby R. K. *Melville's attitude toward the historicity and interpretation of the Bible.*—Indiana Univ., 1983. 181 p.
- ²⁵ См.: Sweeney G. M. *Melville's use of classical mythology.*—Amst.: Rodopi, 1975. 169 p.; Coffler G. H. *Classical elements in the development of Melville's aesthetic.*—The Univ. of Wisconsin-Madison, 1981. 518 p.; Coffler G. H. *Melville's classical allusion: a comprehensive index and glossary.*—Westport, Con.; L.: Greenwood Press, 155 p.; Small J. *Classical allusions in the fiction of Herman Melville.*—The Univ. of Tennessee, 1974. 242 p.
- ²⁶ Мелвилл Г. *Собр. соч.—Т. 3.—С. 364.* В оригинале см.: сноска 8, p. 1408.